

UDC 93/94

JEWISH THEMES IN THE ART OF BELORUS ARTISTS OF JEWISH ORIGIN

Mikhail V. Strelets

Brest State Technical University
267 Moskovskaya Str., Brest 224017, Belarus
Dr. (History), Professor
E-mail: mstrelez@mail.ru

In the framework of this Scientific Forum, the ethnographic objects of different ethnic groups are considered. The article is focused on Jewish stories in the art of Belarus artists of Jewish origin. The author's attention is glued to the tree outstanding artists who lived and worked at time when the Belarus Jewish people were facing no assimilation. Thus, its heritage is highly valued by ethnographers today.

Keywords: Jewish themes, Belarus Artists, art.

Ключевой сегмент соответствующего наследия – произведения Иегуды Пэна (1854–1937). При оценке этих произведений надо иметь в виду два аспекта касательно их автора. Первый аспект – фундаментальное образование, полученное в Петербургской Академии художеств, благотворное воздействие контактов с российскими художниками-передвижниками, западноевропейскими коллегами, коллегами по цеху из числа соплеменников. Второй аспект – глубокие познания в области иудаики и гебраистики, владение ивритом, основательное знание Торы. «В итоге появилась столь характерная для Пэна этнографическая, даже фотографическая точность в изображении элементов народного быта (одежды, домов, домашних предметов и т.д.). Присутствовала в работах Пэна и особая склонность к символам, в том числе элементам еврейской жизни, усиливавшим и без того очевидное национальное содержание его работ. В некоторые из них («Часовщик» (1915), «За газетой» (1910-е)) художник вводит еврейские надписи (заголовки газет на идиш «Der Fraynd» и «Наynt»), как бы сознательно сориентировав картину на определенного («посвященного») зрителя-еврея» [1].

«Как художник Пэн начал с пейзажей («Улица в Витебске», конец 1890-х гг.), однако в 1900-х гг. обратился, главным образом, к изображению быта еврейской бедноты (картины «Развод», 1907, «В прихожей у пана», создана до 1912 года; «В пекарне» — 1918), а также событий 1905 года («После забастовки»), стремясь сочетать глубину психологических характеристик и монументализацию образов, детальное воспроизведение природы и художественное обобщение. Особенно впечатляющи картины-портреты (точнее — портреты в интерьере), в которых Пэн воплотил в привычной для них среде определенные человеческие типы («Старый солдат», 1902; «Слепой музыкант», конец 1910-х гг., «Сват», 1926) или характеры («Старый раввин», «Девушка в белом», обе — до 1907 г.). Обычно в портретах обобщено душевное состояние человека: материнская тоска («Письмо из Америки», 1913), покорность судьбе («Старый портной», 1910-е гг.), благоговейная сосредоточенность («За утренним листом Талмуда» — портрет Т. Каплана, около 1910 г.) и т. п.»[4].

Хорошо известно, что в царской России был воздвигнут в ранг государственной политики антисемитизм. В этой стране евреи превратились в наиболее бесправный сегмент этнического ландшафта. «Возможно, поэтому Пэну оказалась столь близка

национальная идея – в 1917 г. портрет Герцля его работы продавался на благотворительном вечере, устроенном в Витебске сионистской организацией, еще в 1920-е гг. его дом украшал портрет лидера местных сионистов доктора Брука, к тому времени уже умершего. Не чуждался Пэн еврейских мероприятий и в годы гражданской войны – «живые картины», выполненные Пэном и его учеником Ихезкиелем Мальцыным (1895–1966), демонстрировались во время палестинского вечера, устроенного в городском театре витебским Поалей-цион, а также на вечере памяти Переца, организованном обществом его имени» [1].

Выдающийся мастер кисти никогда не претендовал на монополизм в процессе обращения к еврейским сюжетам. Об этом убедительно свидетельствовал педагогический аспект его биографии. «Пэну удалось не только дать своим многочисленным ученикам-евреям основы художественных навыков, но привить интерес к самой еврейской теме. Шагал в 1921 г. в поздравительном письме к Пэну имел полное основание написать, что тот воспитал «большое поколение еврейских художников» [1].

Учитывая, что Пэн творил и в досоветский период, и в советскую эпоху, важно брать в расчёт диалектическое единство преемственности и обновления. Содержательная сторона преемственности бесспорна. «На протяжении всей жизни Пэн оставался верен своим взглядам еврейского «бытописателя» и в советские годы по-прежнему много внимания уделял изображению традиционных евреев. Однако новая советская специфика отразилась и на его творчестве, что, скорее всего, усиливалось определенным давлением на художника. Так, когда в 1927 г. отмечалось 30-летие деятельности Пэна в Витебске, один из выступавших, еврей, воздав должное его творчеству, которое «несмотря на национальную ограниченность <...> отражает быт одной из угнетеннейших национальностей в дореволюционное время», указал, что «рабочие массы Витебщины дают наказ <...>, чтоб он постарался в своих новых полотнах изобразить колоссальность переживаемой нами эпохи, чтоб он отображал наши достижения и вышел бы из рамок изображения только еврейской национальности» [1].

Художник прекрасно понимал, что в изменившейся ситуации ему следует выполнять социальный заказ. Реализуя этот заказ, Пэн всё больше лишался творческой свободы. О появлении новых тенденций в творчестве мастера кисти свидетельствовали «его «Сапожник-комсомолец, читающий газету» (1925), «Еврей-колхозник» (1925), «Пионер». В картине «Сапожник-комсомолец» изображен молодой (без бороды) еврей-сапожник, углубленный в передовицу витебской газеты на русском языке «Заря Запада». Сюжет и аксессуары этой картины буквально на уровне символов диаметрально противоположны написанному в 1915 г. «Часовщику», в котором изображен традиционный пожилой еврей-часовщик, читающий последнюю страницу газеты на идиш» [1].

Отождествление творчества Пэна с еврейским искусством, его профилирование как еврейского художника, к сожалению, не всегда позитивно воспринималось властными структурами. В 1920-х гг. позитивное восприятие вписывалось в русло официальной государственной политики. Начиная с 1930-х гг. власти стали враждебно относиться к тем, кто позиционировал себя как еврейский художник, превратили в норму дискриминацию еврейского искусства, что, естественно, пришлось ощутить и Пэну.

К еврейским сюжетам обращался и великий художник Марк Шагал. Он делал это в царской России, при большевиках, в эмиграции. «Основным направляющим элементом творчества Марка Шагала является его национальное еврейское самоощущение, неразрывно связанное для него с призванием. «Если бы я не был

евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником», — сформулировал он свою позицию в одном из эссе.

От своего первого учителя Юдея Пэна Шагал воспринял представление о национальном художнике; национальный темперамент нашёл выражение и в особенностях его образного строя. Художественные приемы Шагала основаны на визуализации поговорок на идиш и воплощении образов еврейского фольклора. Шагал вносит элементы еврейской интерпретации даже в изображение христианских сюжетов («Святое семейство», 1910, Музей Шагала; «Посвящение Христу» /«Голгофа»/, 1912, Музей современного искусства, Нью-Йорк) — принцип, которому он остался верен до конца жизни» [3].

В связи с ограничением объёма доклада подробно остановимся только на одном произведении мастера. В 1918 году витебляне могли прямо на улицах рассматривать панно Шагала. Речь шла о мероприятии, посвящённом 1-ой годовщине Октябрьской революции. «Сам факт вынесения еврейской темы на улицы города имел общественное значение. Одно из главных панно — летящий над городом простой еврей, или как было принято говорить в те годы в Витебске «нюхающий табак» (tabakshmeker) — в противоположность «богачам» (gvirim), — украсило скошенный фасад здания витебского Евкома, расположенного на центральной улице города. Не случайно скульптор Михаил Керзин увидел в оформлении Витебска Шагалом композицию на тему «евреи вышли "за черту оседлости" и отживающий еврейский быт».

Не исключено, что этот образ простого летящего над городом еврея в дешевой одежде, в кепке, с палкой и мешком, созданный художником еще в 1914 г., приобрел особое значение и для самого Шагала. Не зря именно он появляется в других работах художника — в иллюстрации конца 1930-х гг. к стихотворению Аврома Валта (А. Лесина) «Огни Бродвея» как часть местечкового мира Белоруссии, «тихого, как молитва», противоположного большому городу. Тот же образ нарисован художником в середине 1950-х гг. специально для обложки книги воспоминаний о Витебске, но уже как знак ушедшего (погибшего) мира — поверженный (упавший) еврей лежит на земле [1].

Соломон Юдовин (1892–1954) отметился как активный систематизатор сведений по еврейскому искусству, еврейской этнографии, художник, сконцентрированный на еврейских сюжетах. Для него большой школой явилась непосредственная причастность к еврейской этнографической экспедиции по Волыни и Подолию, которая проходила в преддверии Первой мировой войны. «Его графические работы на еврейскую тему были благосклонно приняты критиками как еврейскими, так и общими. Позже общие критики в связи с его творчеством заговорили об особой еврейской графике. Обратившись в своих работах к еврейскому народному орнаменту, еврейской синагогальной и бытовой архитектуре, еврейским типам, Юдовин пытался обосновать уникальность еврейского народного творчества и самого традиционного еврейского мира местечка. В альбоме «Еврейский народный орнамент» Юдовин указывал, что необычность еврейского искусства, его особая декоративность возникли в силу строгих религиозных запретов, позволявших украшать книгу или синагогу, но не разрешавших делать иллюстрации. Он отмечал, что поскольку религия запрещала изображать человека, то антропоморфные черты переносились на зверей и на птиц» [1].

«Юдовин с рождения впитал в себя культуру штетла (идишкайт) и всё его творчество большей частью было обращено к еврейской тематике. Сцены из жизни еврейского местечка Юдовин начал создавать уже в 1920-х гг.

Детские впечатления жизни в Бешенковичах стали для художника основой для создания особого и очень печального мира своих гравюр — «Шабат», около 1920–1926 гг., «Похороны», 1926; «Жертвы погрома», 1927. Он искал объекты для своего творчества на фабриках и заводах («Еврей-кузнец», 1930-е гг.; «Сцена в типографии», 1932; «Продавец бубликов», 1938–1940 гг.), ездил в еврейские колхозы («В колхоз», 1940). И ни в одной из работ Юдовина на еврейскую тему нет той холодной отстранённости, которая неизбежно проявляется при изображении чего-то чужого. Он создавал еврейский мир в своих картинах, находясь внутри него и оставаясь с ним неразрывно связанным.

В 1920–1930-е гг. годы Юдовин работал над монументальной ксилографической серией «Былое», пытаясь сохранить память об исчезающем мире штетла. Он создал множество пейзажей еврейского местечка, видов Бешенковичей и старого Витебска («Музыканты, возвращающиеся со свадьбы» 1939, и др.), делал гравюры по мотивам еврейского народного искусства («Два медведя, несущие гроздь винограда», 1940), подготовил полный макет книги «Еврейский народный орнамент» (1940, не была издана).

Часть еврейской темы у Юдовина — это также портретные и жанровые работы («Старик в ермолке» 1925, «Сапожник» 1929). В них ярко проявляется унаследованное от Ю.М. Пэна редкое умение художника совмещать в одном произведении психологизм конкретного образа с его типологической обобщённостью» [2].

Еврейские сюжеты отражались в творчестве и ряда других белорусских художников еврейского происхождения. Однако именно у перечисленных мастеров подобное отражение получилось наиболее удачным.

Примечания:

1. Зельцер, Аркадий. Еврейские художники Витебска в 1917-1941 годах / Аркадий Зельцер [Электронный ресурс].— 2011. — Режим доступа: chagal-vitebsk.com/node/44. — *Дата доступа: 20.07.2011.*
2. Юдовин, Соломон Борисович — Википедия [Электронный ресурс].— 2011. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/.../. — *Дата доступа: 27.07.2011.*
3. Шагал, Марк Захарович — Википедия [Электронный ресурс].— 2011. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/.../. — *Дата доступа: 29.07.2011.*
4. ЖЗЛ (Иегуда Пэн - великий белорусский художник "еврейского ренессанса) [Электронный ресурс].— 2011. — Режим доступа: [www.liveinternet.ru /users/.../post106698939](http://www.liveinternet.ru/users/.../post106698939). — *Дата доступа: 22.07.2011.*

УДК 93/94

ЕВРЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Михаил Васильевич Стрелец

Брестский государственный технический университет
224017, Беларусь, Брест, ул. Московская, 267
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: mstrelez@mail.ru

В рамках настоящего научного форума рассматриваются этнографические сюжеты касательно разных народов. В предлагаемом докладе обращено внимание на отражение еврейских сюжетов в творчестве белорусских художников еврейского происхождения. Автор остановился на тех наиболее значимых художниках, которые жили и творили тогда, когда никакой ассимиляции белорусских евреев не было. Поэтому их наследие чрезвычайно ценно для учёных-этнографов.

Ключевые слова: еврейские сюжеты, белорусские художники, творчество.